

Прогулки с Бунинным

В уездном городе Ельце никто не помнил гимназиста Ваню Бунина. Дом, где он квартировал-нахлебничал, нашли, открыв его книгу и прочитав в ней, что из окна была видна церковь и слышны удары колокола. Вот так и ходили с раскрытой книгой по улицам Ельца. А когда нашли и выкупили, и содрали новые обои, в простенке, где, должно быть, век назад стоял ученический стол, увидели нарисованной детской рукой петушка и курочку. И инициалы «И. Б.».

Когда Климовой пришла в голову мысль воскрешать жизнь Бунина по его книгам, над ней смеялись: «Бросьте, Иван Алексеевич вам не натуралист и не историк». А она взяла да и разыскала дом, где он квартировал в Ельце. И стала создавать музей. И снова ее одергивали. Потому что музей она делала, опять же не отступая от бунинской строки. Знатки от официальной культуры возмущались: обои на неровных досках, фи, как неэстетично, а в кухне стены черные, и темень-то, темень. Но она не уступила ни капли драгоценной бунинской реальности в угоду районной эстетике. И только перед пожарными «сломалась». Заставили ставить паровое отопление. Господи, ну какое же в бунинском доме паровое отопление! Ну топил же Рахманинов в Ивановке свой двухэтажный дом дровами... Но пожарным Рахманинов не указ.

Елецкий педагогический институт третьей категории: гулкие железные лестницы, примерная девчонья дисциплина, ректор, постоянно извиняющийся за эту самую «третью категорию»: «Как только Климова защитит докторскую, нас сразу переведут во вторую!» И вдруг — как футбольный мяч в школьное стекло — она на пороге. Без пяти минут «доктор по Бунину». На руках недобовшее дитя. У нее — измазанное зеленой послеветряночное лицо и дивное имя возлюбленной — героя «Жизни Арсеньева» — Лика!

Лике не привыкать выдвигать в дороге, мужу не привыкать срочно бежать за капутной раскладкой, студентам не привыкать подчиняться ее прекрасному порыву: «Едем в Озерки!»

Едем! Улица, кладбище, поле. Этой же дорогой дурноупевающий гимназист уезжал на лето домой, к мамаше. Наш путь в обкомовской «Волге» будет раз в десять короче, и потому она торопится. Она торопится подготовить нас к Озеркам, она боится не успеть.

Элитарный Сокуров как-то сказал в интервью: «Годы, проведенные в русской провинции, не променяю ни на что». Мы привыкли мерить категориями: в столице — первая, а в заштатном Ельце — третья. И чем нас удивит? Климова удивляет. Жизнь, в которой по утрам и вечерам читают Лихачева и Бахтина, пишут картины, ходят пешком, собирают старину. Мы все

медленно краснеем, слушая ее, потому что Бахтин хоть и читан, но как-то не так.

А дорога все хуже — скоро Озерки. Она спешит предупредить нас о главном: путь к Бунину долг и труден («Меня студентки часто спрашивают: «Они (великие) позволяют себе влюбляться при живых женах, разводится, любить опять, а нам что — нельзя?» Почему нельзя, говорю я им, можно. Если это будет оплачено такой же сердечной тратой и такой же болью, как у них. А если нет, то это просто мелкий блуд»). А путь от Бунина к нам — захватывающе короток. («В Озерках воздух особенный: там все любяются. И не то, чтоб какие-нибудь шашни, а по-настоящему»). Перед самыми Озерками Лика устраивает рев. Галина Павловна беспомощно оглядывается на нас. И лишь когда машина останавливается на пригорке за лысой плотной и мы все выходим, Лика замолкает. «Без пяти минут доктор наук» постеснялась, а мы — стыдно! — не догадаться остановить машину, попросить мужчин и студенток отвернуться и дать ей покормить девочку грудью.

Маленький пригорок за лысой плотной и есть Озерки. По бунинским книгам — Батурино, поместье, где он провел детство и отрочество. Но где же чудный романтический тлен дворянского гнезда? Пустой пригорок, лошадь совхозная пасется, лебеда, двое деревенских парней с прическами в стиле вечного битлчества мимо идут, сарай какой-то, пусто. Пока Галина Павловна кормит Лику, Евгений Григорьевич, муж ее, ведет нас вниз, к пруду, и останавливается возле жиденьких веточек робко зацветающей сирени. «Это из бунинского сада», — говорит он. — Все, что осталось».

На самом деле этот пустой пригорок полон воскресенной бунинской жизни. Начнем с того, что несколько лет назад никто вообще не знал, где она могла быть, эта усадьба. А старательные студентки, выпускницы сельских школ, перелопачивали полные и неполные собрания и исписывали целые тетради возможными приметам бунинской усадьбы. Старожил Иван Николаевич Красов помог определить, где должна была находиться усадьба. И хоть пруд за это время сильно поднялся и съел часть пригорка, точно указал место, где копать. И все те же студентки, строительный отряд безвозмездного коммунистического труда, осторожно сняли первый слой земли и... наткнулись на фундамент. А сколько было ликования, когда нашли старинную бутылку с длинным узким горлом, осколки барской посуды, ветошь, изразцы, маленькую фарфоровую куколку. За два стройотрядовских лета набрался целый сундук таких реликвий и обнажилось основание барского дома. А возле дома — напротив предполагаемого окна — нашли корни сте-

рой погибшей ели («наша заветная столетняя ель». И. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Здесь, в Озерках, задуман музей, непохожий на все доселе известные литературные музеи страны. Не будет экспозиций, экскурсоводов с указками, электрического света и парового отопления. Сюда будут приезжать на дрожках — в гости к Ивану Алексеевичу. Колоть дрова, топить печь, пить чай в бунинском доме, дышать воздухом иных времен, гулять ночью по саду. И звезда Сириус станет лучшим музейным экспонатом. Пока будет восстанавливаться озерский дом (шесть на шесть саженей), в него не вобьется ни одного современного гвоздя. Клуб «Вече» в Ельце (его возглавляет Е. Г. Сафонов) создал фонд древних материалов, активно собирает старину. А командир стройотряда Василиса Майорова два года назад печатала у нас в «Комсомолке» объявление-приглашение: для восстановления музея-усадьбы Бунина нужны мужские руки, сами не справляемся, бревна приходится таскать. И приехали — Юра из Пятигорска, Костя Зайцев из Уфы, дядя Коля из Донецка, много приехало умных и добрых людей.

Все тут делается на энтузиазме. Надо было дотянуть в Озерки старинные бревна, пошла на мхедвор просить трактор. Глянула, а у тракториста глаза — синие-синие. С такими глазами — поможет. Чуть не перевернулись они на плотине, но сарай дотянули. В другой раз нашла этого же тракториста, спрятал синие глаза, не согласился. Вот так «на голубом глазу», уговорами, спорами, потрясающей своей духовной агитацией вербует она себе сторонников и помощников — а обком комсомола, в обком партии, в совхозе.

Перейти через долгий зеленый лог — ее дом. Они купили его с Евгением Григорьевичем в расчете на то, что, разделившись с докторской и построив музей, переедут сюда жить. Гостюем в нем. Сидим на лавках, пьем деревенское молоко, соседи прислали в благодарность за капутную раскладку, привезенную нами из Ельца.

Меня завезли в Елецкий пединститут и познакомили с Климовой почти насильно. Я спешила в соседний район писать об арендном подряде. Успела, куда спешила, и написала. А вот про Климову... И лето прошло, и зима, и еще одно лето — через год музей собираются открыть, — а я все не могла понять, о чем же писать. Ну неужели о весеннем гудении пчел? О воздухе, таящем опасность влюбиться? О том, что от долгого глядения в небо земля начинает казаться круглой и выпуклой, и ты сейчас, как горошина, с нее покатишься-покачишься и, если не спасительный куст сирени бунинской, упадешь.

Е. ЯКОВЛЕВА.

Липецкая область.